

УДК 930.2.:3340.12

DOI 10.23951/1609-624X-2017-9-52-58

«ЖИТЬ С СЕЙ СЛАВНОЮ ЖЕНОЮ РАЙ ВО ВСЯКОЙ СТОРОНЕ»: СТРАТЕГИИ ВЫСТРАИВАНИЯ СЕМЕЙНОЙ ЖИЗНИ ЮРИДИЧЕСКОЙ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ЭЛИТОЙ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

И. Г. Адоньева

Новосибирский государственный технический университет, Новосибирск

Проанализированы особенности создания семьи и семейной жизни юридической интеллектуальной элиты периода модернизации второй половины XIX – начала XX в. Актуальность данного вопроса обусловлена значением семьи, а особенно супруги, в создании условий для успешной научной и публицистической деятельности. Отдельные аспекты поставленной проблемы нашли отражение в работах Н. Л. Пушкаревой, Л. П. Репиной, Т. А. Сабуровой. Изучаемый вопрос находится на пересечении проблемных полей истории интеллектуальной культуры и истории повседневности с привлечением методов биографического и поколенческого анализа, а также гендерного с точки зрения исторической андрологии. Выводы основаны на изучении с заявленных позиций дневников и мемуарного наследия юристов. Профессионально успешные представители интеллектуальной элиты наиболее комфортно перенесли переход к малой семье, восприняли равноправные супружеские роли и активную деятельность отца в воспитании детей. Брак воспринимался как обдуманый шаг, добровольный, основанный на любви союз. Материальное положение избранницы играло второстепенную роль, значение приобрели личные качества и уровень интеллекта. Они подчеркивали несомненную ценность для себя семейной жизни. Внебрачные отношения (в случае их упоминания) описывались предельно завуалированно. Представления юридической интеллектуальной элиты о семье и браке, а также практическая реализация совпадали с тенденциями в этом направлении в среде русского образованного общества второй половины XIX – начала XX в.

Ключевые слова: мемуары, дневники, семейная жизнь, юридическая интеллектуальная элита.

Блестящее развитие российской юридической науки и публицистики во второй половине XIX в. было заложено самой логикой перехода страны к капиталистической модернизации. Немаловажную роль в этом сыграло постепенное возрастание значения интеллектуальной деятельности как профессиональной для выходцев из совершенно разных слоев общества. Юридическая интеллектуальная элита как особая социопрофессиональная группа начинает конституироваться именно в этот период. Наука, публицистика и преподавание стали для нее порой единственным источником к существованию [1]. Это значительно повлияло на изменение типа семейных отношений: если традиционная служба дворянина (или представителя любого другого сословия), военная или гражданская, предполагала основную деятельность вне дома и семьи, то интеллектуальная работа предусматривала нахождение ее субъекта в родных стенах. Именно поэтому домашняя обстановка, понимание особенностей труда со стороны членов семьи, а особенно жены, становились залогом творческого успеха. Одновременно с этим во второй половине XIX в. в городской (дворянской) семье стали доминирующими следующие тенденции: преобладание с XVIII в. малой семьи по причине обязательной службы; демократизация семейных отношений; восприятие брака как добровольного союза, основанного на взаимной эмоциональной привязанности [2, с. 231–234].

В многочисленных исследованиях, посвященных биографиям знаменитых юристов, постоянным разделом является упоминание их жизни в родительской семье и супружество. При этом если влияние родителей не оспаривается, то жены рассматриваются как «приложение» к своим знаменитым мужьям на уровне информации о происхождении и разницы в возрасте (например, в трудах В. А. Томсинова, В. А. Илюшина, Е. В. Тимошиной). Тема семейной жизни и семейных отношений различных социальных и профессиональных групп пользуется стабильным интересом исследователей. В трудах В. А. Веремченко была проанализирована эволюция дворянской семьи второй половины XIX в. Выводы, сделанные исследователем относительно появления нового типа семей и распределения семейных обязанностей имеют для настоящей работы особую ценность, поскольку, несмотря на формирование интеллектуальной элиты из совершенно разных сословий, большинство ее представителей имели дворянское происхождение [3]. Однако, привлекая источники личного происхождения, историки чаще всего фокусируют свое внимание на текстах, созданных женщинами, крайне мало обращаясь к взгляду мужчин на частную жизнь. Практически исключением на этом фоне выглядит монография Т. А. Сабуровой и Б. Эклофа «Дружба, семья, революция: Николай Чарушин и поколение народников 1870-х годов», где авторы, помимо прочего, основываясь на источниках личного про-

исхождения, анализируют особенности семейной жизни своих героев – членов кружка чайковцев [4].

Предметом внимания в настоящей статье стали особенности создания семьи и семейной жизни русских юристов второй половины XIX – начала XX в. Для этого необходимо было ответить на следующие вопросы:

1) какие ценностные установки имелись у представителей юридической интеллектуальной элиты по вопросу супружества?

2) в чем заключались «критерии выбора» будущей жены?

3) что представлял собой типичный сценарий семейной жизни, как развивались отношения между супругами в контексте изменений в русском образованном обществе второй половины XIX – начала XX в.?

4) насколько профессиональные и общественно-политические взгляды юридической интеллектуальной элиты, а также принадлежность к тому или иному поколению коррелировали с избранной стратегией семейной жизни?

Полноценно ответить на данные вопросы стало возможным, основываясь на пересечении предметных полей истории интеллектуальной культуры и истории повседневности. Это предполагает внимание к изучению условий интеллектуальной деятельности, ее взаимосвязи с остальными сферами жизни [5, с. 7–8]. Такое понимание неизбежно влечет использование наработок из истории повседневной жизни как исследования повторяющегося, «нормального» и привычного, конструирующего стиль и образ жизни у представителей разных социальных слоев, включая эмоциональные реакции на жизненные события и мотивы поведения [6]. Обозначенный подход определил привлечение методов биографического и поколенческого анализа, а также гендерного с точки зрения исторической андрологии, что дало возможность увидеть глазами мужчин сферу жизни, традиционно исследуемую в «женских» текстах.

Основными источниками являются мемуары, дневники и письма русских юристов: К. К. Арсеньева (1837–1919), Б. Н. Чичерина (1828–1904), К. П. Победоносцева (1827–1907), И. И. Янжула (1846–1914), Л. А. Камаровского (1846–1912), Е. Л. Камаровской (1878–1965), М. М. Ковалевско-го (1851–1916).

Поскольку в складывании представлений о семейной жизни немаловажную роль играют отношения в родительской семье, целесообразным представляется обратиться к тем сюжетам воспоминаний, где мемуаристы ведут речь о своем детстве и отношении к родителям, их взаимодействию между собой. Б. Н. Чичерин, вспоминая о родительском доме, ясно дает понять читателю то, как

атмосфера в нем повлияла на его ценностные установки и собственную позицию относительно семейной жизни. Абсолютным авторитетом для него был отец, и, надо полагать, в своей супружеской жизни Борис Николаевич стремился воссоздать такую же идиллию: «Что касается до жены, то во всех письмах к моей матери выражается такая горячая любовь, такое полное доверие, такая нежная заботливость, такая ласковость и деликатность, что лучшей семейной связи невозможно представить» [7, с. 23]. Возможно, что несколько затянувшийся поиск Чичериным подруги жизни был как раз связан со стремлением найти ту, с которой он смог бы создать такой же союз: «Моя мать была достойной подругой моего отца. Вся она была предана семье: счастье мужа и попечение о детях были единственной ее заботой. К мужу она питала не только самую горячую привязанность, но и глубокое уважение. Взаимное доверие между супругами было полное. Для обоих цель существования заключалась в благе семьи» [7, с. 30–31].

К. К. Арсеньев также обратился и в дневнике, и в воспоминаниях к родительской семье, которая способствовала его нравственному и профессиональному становлению. Он заострил внимание на этом аспекте, когда отец и мать оказались практически одновременно прикованы к постели после инсультов, и на нем с братом оказался весь груз ответственности: «Наш круг жизни сделался еще более замкнутым, отчасти ввиду соблюдения экономии, отчасти потому, что мы не хотели оставлять маменьку одну. Дежуря при ней по очереди, мы привыкли значительную часть вечеров проводить дома. Всем этим мы не только не тяготились, но и считали себя счастливыми, что имели цель жизни и могли загладить нашу прежнюю недостаточную внимательность к маменьке. Большую радость было для нас наблюдать постепенное возвращение ее сил, физических и умственных, и успокоение, которое доставляла нам мысль об уплате ее долгов» [8]. И. И. Янжул, говоря о родителях, подчеркивал согласованность их целей по отношению к детям: «Отец, и особенно мать, из кожи вон лезли дать нам всем приличное образование» [9, с. 17]. Высшая ценность знаний сказалась и на его выборе спутницы жизни. А сокурсник Янжула Л. А. Камаровский оказался в крайне затруднительной ситуации, которую описала его старшая дочь Екатерина: горячо любимые им родители были категорически против избранницы сына и столь же скептически относились к внукам. Сделав выбор в пользу собственной семьи, Леонид Алексеевич, с раннего детства страдавший от туберкулеза, был лишен доходов с родительского имения, но это обстоятельство не повлияло на его отношение к жене и детям, любовь к которым пронизывает каждую

страницу его дневника. М. М. Ковалевский же практически прямо говорит о том, что отсутствие у него собственной семьи стало результатом всепоглощающего внимания матери, которую он горячо любил: «Как единственного сына она меня очень баловала и приучила к женской ласке. Во всю мою жизнь я не мог отвыкнуть от нее. Мать моя была не только женщиной умной, но и женщиной со вкусом и талантом» [10, с. 58]. Их совместные усилия по урегулированию финансового положения после смерти отца способствовали быстрому взрослению подростка и пониманию ответственности за свою жизнь. Вероятно, заданная в это время «высокая планка» сказалась на том, что собственный супружеский выбор Ковалевский долго не мог сделать, а когда решился на него, то было уже слишком поздно, хотя уровень той, которую он считал достойной себя, сомнений не вызывает.

Идея брака оценивалась юристами положительно. Чичерин писал: «В 1871 г. совершился важнейший поворот в моей жизни. Я женился. Это было осуществление самых заветных моих мечтаний. Я чувствовал, что соединюсь с тою, которую я избрал, или навек останусь одиноким» [11, с. 219]. Столь же восторженно он приветствовал браки своих братьев. К. П. Победоносцев эмоционально описывал решение о браке своему постоянному корреспонденту и близкому другу А. Ф. Тютчевой: «Подумайте, какое счастье мне Бог посылает: дитя мое милое, кого я на своем сердце взрастил и в кого душу свою положил, станет моей женою – и я в нее верю больше, чем в кого другого на свете, потому что больше и ближе, чем кого-нибудь, ее знаю и она меня» [12, с. 212].

Сценарий развития отношений между юристами и их избранницами можно назвать классическим. Чичерин поэтично описал первую встречу с Александрой Капнист: «Я увидел прелестный ангельский лик, напоминавший мадонны Беато Анжелико. Это был первый женский образ, который представился после моей болезни, образ полный грации и поэзии. Провидение как будто указывало мне ту, которая должна была осуществить мои мечты. Но в то время я еще не подозревал, что через несколько лет она делается моею женою». Его ученик Янжул был склонен к самоиронии: «Мне как-то сразу приглянулась юная девица в этой семье, Екатерина Николаевна, которой суждено было впоследствии сделаться моей женой. Маленький лукавый божок, игравший по греческой мифологии самую важную роль в сближении особ двух полов, ранил мое сердце совершенно для меня неожиданно и незаметно. Весьма скоро, через несколько недель, я начал уже себя чувствовать не по себе» [9, с. 102]. А ученик Янжула молодой князь Голицын, в будущем известный земский деятель,

также отмечал: «Опоздай я немного, и судьба моя, возможно, обернулась бы иначе. Я провел два незабываемых дня в чудесной крымской обстановке... я безумно влюбился и твердо решил, что лучшей жены мне не найти на свете, чем Анночку Лопухину» [13, с. 245]. К. П. Победоносцев в своей семейной стратегии реализовал романтический сценарий перерастания в брак отношений между учителем и ученицей. Почти во всех текстах присутствует детальное описание момента предложения руки и сердца, самой свадебной церемонии, списка приглашенных друзей и родственников, места венчания и свадебного путешествия.

Юристов в их избранницах привлекали не столько внешность и благосостояние, сколько близкий к ним уровень интеллектуального развития. Янжул в состоянии абсолютной влюбленности пытался подключить здравый смысл и понять последствия стремления соединить жизнь с Екатериной Вельяшевой: «Я хорошо знал, что моя невеста не могла мне принести никакой материальной помощи в виде приданого, но зато могла дать то, что дороже всего – помощь своего труда и дух товарищества, с которыми я мог продолжать работать более дружно, даже, если бы, сверх ожидания, мы не сошлись характерами» [9, с. 109]. Камаровский был с детства знаком со своей будущей женой – Е. А. Ширинской-Шихматовой и ее семьей. Несмотря на высокое происхождение, материальная поддержка со стороны родителей жены почти отсутствовала. Зато знание иностранных языков и каллиграфический почерк княжны стали гораздо более ценным приданым.

После свадьбы семейные вопросы присутствуют практически на каждой странице дневников и воспоминаний. Забота о жене, беспокойство по поводу ее здоровья и связанные с этим хлопоты являются стабильно описываемым вопросом наряду с профессиональными проблемами и успехами. Для Б. Н. Чичерина приезд с молодой супругой в семейное имение обозначал непрерывность течения жизни и достижение ее цели: «Когда 22 мая мы приехали в Караул, весна была в полном блеске. Густая и свежая зелень покрывала деревья; сирень пышно цвела, наполняя воздух благоуханием. Был прелестный тихий и теплый майский вечер. Караул предстал нам во всей красе, как бы приветствуя молодую хозяйку, которая должна была внести в него новую жизнь. На крыльце нас встретила слепая мать с иконою и священником, окруженная всеми домашними. Двор был полон народа; вся деревня была собрана, и мать представила нас народу как будущих хозяев Караула. Встреча была задушевная и трогательная. Это одна из тех редких минут в жизни, когда все, что наполняет человеческое существование, и прошедшее, и будущее, сливается в один радостный восторг, в одно невырази-

мое чувство бесконечного блаженства» [11, с. 220]. Описывая отношения между родителями, Е. А. Камаровская вспоминала, что «Мать вся была полна забот и любви к нему и приучила нас, детей, не спускать с него глаз. Но такое отношение его не избаловало. Он жил всецело нами и женой» [14, с. 13]. Дневник Л. А. Камаровского это подтверждает: каждое событие совместной жизни, успехи и неудачи были описаны им во всех подробностях вплоть до графиков температуры жены и детей во время болезней [15]. Дневник К. К. Арсеньева гораздо менее эмоционален, но также в этом отношении показателен: он фиксировал внимание на дне рождения супруги и годовщинах свадьбы, а также отправленных ей письмах (порой два в день) [16]. И. И. Янжул неоднократно упоминал о том, что именно состояние здоровья Екатерины Николаевны зачастую определяло место их проживания и уровень его профессиональной активности: «Под самой Москвой врачи не рекомендовали особенно оставаться ради ослабевшего организма такому некрепкому от природы человеку как моя жена... Чтобы не нуждаться по-прежнему в Лондоне, что было бы пагубно для только что вставшей с одра болезни жены, я позаботился несколько о расширении наших материальных средств» [9, с. 156–157]. Мемуаристы практически не оставили свидетельств о конфликтных ситуациях с женами, что, конечно, не обозначает их абсолютное отсутствие. Проблемы с детьми описывались порой достаточно подробно. Отпечаток наложило, вероятнее всего, время создания большинства мемуарных текстов – начало XX в., – когда они активно публиковались. Конфликты в приватной сфере не соответствовали уже сформировавшемуся канону жанра и, что вполне понятно, не вызвали желания ими делиться даже с самим собой на страницах дневников.

Роль супруги не ограничивалась представлениями о хранительнице очага и матери наследников, а трактовалась гораздо шире. У помещиков – Чичерина и Арсеньева (после обзаведения имением) – жены принимали участие в земских делах (образование, здравоохранение, организация крестьянского быта, библиотеки). Е. И. Арсеньева в дальнейшем обратила свою активность в благотворительную и религиозно-просветительскую деятельность. Супруга одного из авторов Судебных уставов и близкого друга К. К. Арсеньева Д. В. Стасова входила в кружок М. В. Трубниковой, занимавшийся борьбой за права женщин; участвовала в ряде благотворительных организаций, связанных с поддержкой женщин, занимающихся интеллектуальным трудом. Следует отметить, что Б. Н. Чичерин, К. К. Арсеньев, Д. В. Стасов и К. П. Победоносцев принадлежали к поколению, родившемуся в 1820–1830-е гг. и, несмотря на их профессиональный и

жизненный успех в 1860-е гг., сохранили убеждения, связанные с принятием филантропической деятельности жен и скептическим отношением к профессиональной активности.

Супруги учившихся вместе в Московском университете Камаровского и Янжула были сотрудниками своих мужей в их работе. Дочь Камаровского Екатерина вспоминала: «На протяжении всей его научной деятельности главной помощницей его, корректором и переводчицей была мать, в совершенстве владевшая языками, особенно французским» [14, с. 77]. Сам он также отмечал вклад супруги в свою работу: «15 вечером в 11 ½ Катюша, благодаря Бога, закончила переписку моей диссертации. С редкой любовью и терпением Катюша переписала 887 страниц и так четко и красиво, что типографщик не мог нарадоваться» [17]. Екатерина Александровна также интересовалась содержательной стороной работы своего мужа: «Вечером в 8 часов у меня был реферат в Юридическом обществе „О некоторых международных съездах 1890 г.“. Была Катюша, членов и публики было немало» [18]. По словам Янжула: «В жене моей, Екатерине Николаевне, я получил не только доброго товарища, но и ближайшего сотрудника для всего, что я с тех пор написал, начиная с больших книг и кончая журнальными и газетными статьями. Ничего не делалось и не писалось без ее помощи и совета и большей частью ее же рукой (иногда даже два раза), и я, право, затрудняюсь по временам определить, кому, например, в данной статье принадлежит такая-то мысль, мне или ей?» [9, с. 113]. Сама Екатерина Николаевна занималась изучением методов преподавания в начальных школах и в особенности постановки физического и ручного труда в школах Западной Европы, Америки и Российской империи, а с 1900 г. состояла членом отделения ученого комитета Министерства народного просвещения по техническому и профессиональному образованию, была одним из авторов «Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона». При этом первой сложностью для совместной работы супругов стал отказ в записи в библиотеку Британского музея по ее несовершеннолетию: «Лица до 21 года доступа в читальню Британского музея не имеют, а ей было всего 18 лет. Предполагается у англичан, что такие лица читают какие-нибудь пустяки вроде романов, наконец, вообще недостаточно серьезны, чтобы им доверить бесконтрольно, как это делается в музее, массу книг в свободное распоряжение» [9, с. 129]. Когда это препятствие оказалось преодолено благодаря завязавшимся знакомствам, молодожены были счастливы от нахождения рядом и в окружении книг.

В рассматриваемый период (как, наверное, и в любой другой) значение для правоведов имели

не только женщины, с которыми их связывали узы брака. О них зачастую практически нет упоминаний на страницах дневников и воспоминаний, однако роль в жизни юридической интеллектуальной элиты отрицать нельзя. Д. М. Легкий, обращая внимание на личную жизнь героя своей монографии – Д. В. Стасова (1828–1918), одного из представителей большой семьи интеллектуалов, упоминает о его популярности у прекрасного пола, результатом чего стало рождение в 1852 г. внебрачной дочери от сестры композитора М. И. Глинки Л. И. Шестаковой, которая была на 12 лет старше своего возлюбленного [19, с. 43–44]. Это обстоятельство не повлияло на его женитьбу в 1861 г. на П. С. Кузнецовой: «Испытывая глубокое любовное чувство, Д. В. Стасов женился на круглой сироте, счастливо дожив с ней до золотой свадьбы» [19, с. 44]. Внебрачная связь упоминается вскользь в переписке брата Д. В. Стасова, известного музыкального критика, с М. А. Балакиревым.

М. М. Ковалевский в мемуарах не смог избежать описания отношений с С. В. Ковалевской. Исследователи не раз обращали внимание на эту связь двух знаменитых людей, встретившихся в сознательном возрасте и профессионально состоявшихся. Сам Максим Максимович никогда не характеризовал эти отношения как любовные, хотя говоря о них, противоречил собственным словам: «Для меня центром интереса была, разумеется, моя знаменитая однофамилица. Я проводил все свободное время в ее обществе. Диссертация писалась на глазах у меня. Так как ей нужно было спешить с окончанием, а я отнимал слишком много времени на разговоры, то наш общий приятель – профессор математики Миттаг-Леффлер – убедил меня на время уехать в Упсалу, отстоящую всего на несколько часов от Стокгольма» [10, с. 241–242]. Ковалевский не упоминал о сделанном Софье Васильевне брачном предложении и реакции на него (а мнения современников и исследователей по этому поводу расходятся), однако счел необходимым подробно описать течение ее болезни от их пребывания в Ницце и заканчивая смертью в Швеции. Побудительным мотивом этого послужили мгновенно появившиеся слухи о том, что она покончила с собой от неразделенной любви. Мемуарист практически процитировал результаты вскрытия, стремясь доказать свою непричастность к окончанию жизни еще относительно молодой женщины [10, с. 244]. Полные глубокого пиетета и любви строки заняли буквально несколько страниц воспоминаний М. М. Ковалевского. Надо полагать, что полностью исключить эти отношения из своих мемуаров он не мог, а боль от утраты заставила ученого как можно быстрее и «отвлеченнее» описать данный аспект собственной биографии.

Наибольшую сложность представляет ответ на вопрос о том, имела ли зависимость между взглядами юристов на семейную жизнь и их профессиональными воззрениями. Его можно считать положительным. С либеральным консерватизмом Б. Н. Чичерина согласовывалось его отношение к прекрасному полу в целом и супруге в частности: женщины достойны уважения и восхищения, однако их активность не должна иметь профессионального характера, а быть продолжением роли жены. В эти рамки укладывается и его восторженное описание того, как юная сестра куда лучше мирового посредника сумела успокоить крестьян, когда возникли проблемы с подписанием уставных грамот. Классический либерал К. К. Арсеньев, близкий по возрасту к Чичерину, также обращал внимание на деятельность жены в деревне, но ни о каком возмездном труде речи не шло. Аналогичная схема была в браке К. П. Победоносцева с Е. А. Энгельгардт, Д. В. Стасова с П. С. Кузнецовой. Поколенческая идентичность здесь сочеталась с мировоззренческой.

Признание жен со стороны Л. А. Камаровского и И. И. Янжула профессиональными партнерами было в ключе их как научной, так и общественно-политической позиции. Камаровский – «романтик международного права», специалист с мировым именем, в 1905 г. подписал знаменитую «Записку о нуждах просвещения», где совершенствование системы образования ставилось в прямую зависимость с полным преобразованием современного строя России на началах свободы, народного представительства и контроля над деятельностью администрации. Профессор финансового права Янжул стал затем специалистом в области фабричного и трудового права, с которым конфликтовали владельцы промышленных предприятий за его практическую деятельность, направленную на соблюдение ими законодательства. И в семейной жизни они ориентировались на равноправие между супругами, взаимное уважение и самостоятельность. Отношения М. М. Ковалевского и С. В. Ковалевской как людей широких взглядов, профессиональные биографии которых совершенно не сочетались с внутренней политикой Российской империи, также показывают взаимосвязь взглядов на общество и частную жизнь.

Подводя итог, можно сказать, что в среде юридической интеллектуальной элиты второй половины XIX – начала XX в. преобладали следующие взгляды на семейную жизнь и соответствующая практика:

1. Брак рассматривался как добровольный, основанный на любви союз, тщательно обдуманый. Супруги всех, даже равнодушного к сословным перегородкам И. И. Янжула, были дворянского происхождения. Тот уровень образования и ин-

теллекта, который юристы искали в своих будущих женах, мог быть обеспечен вниманием к ним родителей и соответствующими капиталовложениями.

2. Для всех мемуаристов самостоятельная деятельность жены в общественной или профессиональной сфере являлась достоинством.

3. Профессионально успешные юристы наиболее комфортно перенесли переход к малой семье, восприняли равноправные супружеские роли и активную позицию отца в воспитании детей.

4. Стратегии, избранные юристами в семейной жизни, согласовывались с их социально-политическими и профессиональными взглядами, а также принадлежностью к определенному поколению. В силу специфики деятельности, имеющей предметом осмысления правовую сферу общества, эти практики не могли расходиться и позволяют сделать вывод о целостности мировоззрения юридической интеллектуальной элиты второй половины XIX – начала XX в.

Список литературы

1. Адоньева И. Г. Юридическая интеллектуальная элита как субъект правового дискурса русской журнальной прессы второй половины XIX – начала XX века // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (TSPU Bulletin). 2016. Вып. 5 (170). С. 107–111.
2. Мионов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): в 2 т. СПб.: Дмитрий Булавин, 1999. Т. 1. 548 с.
3. Веремко В. А. Эволюция дворянской семьи в условиях модернизации России: вторая половина XIX – начало XX вв.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2007. 50 с.
4. Сабурова Т. А., Эклоф Б. Дружба, семья, революция: Николай Чарушин и поколение народников 1870-х годов. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 448 с.
5. Репина Л. П. Интеллектуальная культура как предмет исследования // Люди и идеи: интеллектуальная культура Европы в Новое время / под ред. Л. П. Репиной. М.: Аквилон, 2014. 848 с.
6. Пушкарёва Н. Л. Предмет и методы изучения истории повседневности // Социальная история. 2007. С. 9–21.
7. Чичерин Б. Н. Воспоминания. Т. 1. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2010. 496 с.
8. Арсеньев К. К. Автобиография (1861–1894) // Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 40. Оп. 1. Д. 14. Л. 2 об.
9. Янжул И. И. Воспоминания о пережитом и виденном в 1864–1909 гг. М.: ГПИБ России, 2006. 459 с.
10. Ковалевский М. М. Моя жизнь. Воспоминания. М.: РОСПЭН, 2005. 784 с.
11. Чичерин Б. Н. Воспоминания. Т. 2. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2010. 528 с.
12. Майорова О. «Пишу я только для Вас»: письма К. П. Победоносцева сестрам Тютчевым // Новый мир. 1994. № 3. С. 195–222.
13. Голицын М. В. Мои воспоминания. 1873–1917. М.: Русский мир, 2007. 768 с.
14. Камаровская Е. Л. Воспоминания. Записки. М.: Захаров, 2003. 454 с.
15. Камаровский Л. А. Дневник // РГАЛИ. Ф. 1337. Оп. 1. Д. 90. Л. 22 об.
16. Арсеньев К. К. Дневник // РГАЛИ. Ф. 40. Оп. 1. Д. 27. Л. 224.
17. Камаровский Л. А. Дневник // РГАЛИ. Ф. 1337. Оп. 1. Д. 88 (1). Л. 2 об.
18. Камаровский Л. А. Дневник // РГАЛИ. Ф. 1337. Оп. 1. Д. 89. Л. 98.
19. Легкий Д. М. Дмитрий Васильевич Стасов: судебная реформа 1864 г. и формирование присяжной адвокатуры в Российской империи. СПб.: Дмитрий Булавин, 2011. 424 с.

Адоньева Инесса Геннадьевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и политологии, Новосибирский государственный технический университет (пр. К. Маркса, 20, Новосибирск, Россия, 630073).
E-mail: adoinessa@yandex.ru

Материал поступил в редакцию 24.05.2017.

DOI 10.23951/1609-624X-2017-9-52-58

“TO LIVE WITH THIS GOOD WIFE PARADISE IN ANY PLACE”: THE MARRIED LIFE OF RUSSIAN LAWYERS IN THE SECOND HALF OF XIX – EARLY XX CENTURIES

I. G. Adonyeva

Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russian Federation

The article presents the analysis of peculiarities of creation of family and family life of the Russian law intellectual elite of the period of modernization in the second half of XIX – early XX centuries. The importance of this aspect is due to the significance of the family, especially wife, in creating the conditions for successful scientific and journalistic activities. Some aspects of the problem are reflected in the works of N. L. Pushkareva, L. P. Repina, T. A. Saburova.

This issue is at the intersection of problematic fields of history of intellectual culture, and the history of everyday life. A full study of the results of intellectual activity is possible only taking into account the understanding of the working conditions of their creators, their surrounding environment and relationships with family. To understand these features we have applied the methods of biographical and generational analysis, and gender analysis from the standpoint of the historical andrology. Conclusions based on the study with the denoted positions of the diaries and memoirs of the lawyers. Professionally successful lawyers suffered the most comfortable transition to a small family, perceived equitable conjugal role and the active role of the father in the upbringing of children. Marriage was seen as a deliberate step, voluntary, based on love union. The financial position of the bride had a secondary role, importance is given to personal qualities and level of intelligence. They emphasized the undoubted value to family life. Extramarital relations (if mentioned) were described very veiled. Representations of law intellectual elite about family and marriage, as well as practical implementation has coincided with the trends in this direction among the Russian educated society in the second half of XIX – early XX centuries.

Key words: *memoirs, diaries, married life, law intellectual elite.*

References

1. Adonyeva I. G. Yuridicheskaya intellektual'naya elita kak sub'ekt pravovogo diskursa russkoy zhurnal'noy pressy vtoroy poloviny XIX – nachala XX veka [Law intellectual elite as the subject of legal discourse of Russian "fat" magazines in the second half of 19th – beginning 20th centuries]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – TSPU Bulletin*, 2016, vol. 5 (216), pp. 107–111 (in Russian).
2. Mironov B. N. *Sotsial'naya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII – nachalo XX v.)*. V 2 t. T. 1 [Social history of Russia in period of empire (18 – beginning 20 centuries)]. In 2 vol. V. 1]. St. Petersburg, 1999. 548 p. (in Russian).
3. Veremenko V. A. *Evolutsiya dvoryanskoy sem'i v usloviyakh modernizatsii Rossii: vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.* Avtoref. dis. dokt. ist. nauk [Evolution of a noble family in the context of modernization of Russia: second half of XIX – early XX centuries. Abstract of thesis of doct. hist. sci]. St. Petersburg, 2003. 50 p. (in Russian).
4. Saburova T. A., Ehklof B. *Druzhiba, sem'ya, revolyutsiya: Nikolay Charushin i pokoleniye narodnikov 1870-kh godov* [Friendship, family, revolution: Nikolai Charushin and the generation of the populists of the 1870s]. Moscow, 2016. 448 p. (in Russian).
5. Repina L. P. *Intellektual'naya kul'tura kak predmet issledovaniya* [Intellectual culture as a subject of study]. *Idey i lyudi: intellektual'naya kul'tura Evropy v Novoye vremya* [Ideas and people: intellectual culture of Europe in modern times]. Ed. L. P. Repina. Moscow, 2014. 848 p. (in Russian).
6. Pushkareva N. L. *Predmet i metody izucheniya istorii povsednevnosti* [The subject and methods of studying history of everyday life]. *Sotsial'naya istoriya – The Social History*, 2007, pp. 9–21 (in Russian).
7. Chicherin B. N. *Vospominaniya*. V 2 t. [Memories. In two books]. Moscow, 2009. Book 1. 496 p. (in Russian).
8. Arsen'ev K. K. *Avtobiografiya (1861–1894)* [Autobiography (1861–1894)]. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv literatury i iskusstva* [The Russian State Archive of Literature and Arts]. F. 40. O. 1. D. 14. L. 2 ob. (in Russian).
9. Yanzhul I. I. *Vospominaniya o perezhitom i vidennom v 1864–1909 gg.* [Memories about the experience and the seen in 1864–1909]. Moscow, 2006. 459 p. (in Russian).
10. Kovalevskiy M. M. *Moya zhizn'. Vospominaniya* [My life. Memories]. Moscow, 2005. 784 p. (in Russian).
11. Chicherin B. N. *Vospominaniya*. V 2 t. [Memories. In two books]. Moscow, 2009. Book 2. 258 p. (in Russian).
12. Mayorova O. "Pishu ya tol'ko dlya Vas": pis'ma K. P. Pobedonostseva sestram Tyutchevym ["I write only for You": Letters from C. P. Pobedonostsev to Tyutchev sisters]. *Novyy mir – New World*, 1994, no 3, pp.195–222 (in Russian).
13. Golitsyn M. V. *Moi vospominaniya. 1873–1917* [My memories]. Moscow, 2007. 768 p. (in Russian).
14. Kamarovskaya E. L. *Vospominaniya. Zapiski* [Memories. Notes]. Moscow, 2003. 454 p. (in Russian).
15. Kamarovskiy L. A. *Dnevnik* [Diary]. *RGALI* [The Russian State Archive of Literature and Arts]. F. 1337. O. 1. D. 90. L. 22 ob. (in Russian).
16. Arsen'ev K. K. *Dnevnik* [Diary]. *RGALI* [The Russian State Archive of Literature and Arts]. F. 40. O. 1. D. 27. L. 224 (in Russian).
17. Kamarovskiy L. A. *Dnevnik* [Diary]. *RGALI* [The Russian State Archive of Literature and Arts]. F. 1337. O. 1. D. 88. L. 2 ob. (in Russian).
18. Kamarovskiy L. A. *Dnevnik* [Diary]. *RGALI* [The Russian State Archive of Literature and Arts]. F. 1337. O. 1. D. 89. L. 98 (in Russian).
19. Legkij D. M. *Dmitriy Vasil'evich Stasov: sudebnaya reforma 1864 g. i formirovaniye prisyazhnoy advokatury v Rossiyskoy imperii* [Dmitry Vasilievich Stasov: judicial reform of 1864 and the formation of advocacy in the Russian Empire]. St. Petersburg, 2011. 424 p. (in Russian).

Adonyeva I. G., Novosibirsk State Technical University (pr. K. Marksa, 20, Novosibirsk, Russian Federation, 630073).
E-mail: adoinessa@yandex.ru